Два сердца

Автор:
Зинаида Гиппиус

Два сердца

Зинаида Николаевна Гиппиус

«– Миша, Володя, Виктор! Будете вы у меня обижать Борю? Ведь это же терпения никакого не хватит!

Ольга Александровна схватила Борю и посадила около себя на скамейку. Боря ревел во все горло.

Остальные мальчуганы столпились вокруг и требовали, чтобы Ольга Александровна выдала им Борю…»

Зинаида Гиппиус

Два сердца

I

– Миша, Володя, Виктор! Будете вы у меня обижать Борю? Ведь это же терпения никакого не хватит!

Ольга Александровна схватила Борю и посадила около себя на скамейку. Боря ревел во все горло.

Остальные мальчуганы столпились вокруг и требовали, чтобы Ольга Александровна выдала им Борю.

– Ольга Александровна! – плаксивым голосом кричал Володя, самый старший. Ему было лет около восьми. – Что же это? Боря сам нам заказал песочные пироги, мы спрашивали – он согласился все съесть, а теперь не хочет! Ведь это же бессовестно: его заставить надо!

Бессовестному мальчику Боре недавно исполнилось три года. Ольга Александровна справедливо рассудила, что от него нельзя требовать исполнения всех его обещаний.

– Уйдите вы, противные мальчики! Боря останется со мной. Да, Боря?

Детям пришлось покориться. Не обращая, впрочем, большого внимания на присутствие Ольги Александровны, они кричали, что проучат Борьку, что это еще впереди. Затем они отправились снова на свою песочную кучу около беседки.

Боря, всхлипывая, сидел на скамейке в беседке и держался за платье Ольги Александровны.

Вот уж две недели, как Ольга Александровна поступила бонной в купеческую семью Лисичкиных и живет в Преображенском.

Преображенское, собственно, и не село, потому что крестьянских изб там нет, а только церковь, домик отца Владимира да две усадьбы. Один дом был похож на дворец, стоял в самом парке и назывался «большим домом».

В нем жил летом сам хозяин – старик Затенин. В Москве он имел громадный магазин серебряных изделий и сам управлял им.

Он недавно овдовел и жил вдвоем со своим единственным сыном, Алексеем Ивановичем.

В доме поменьше жили каждое лето дальние родственники Затенина – Лисичкины.

Егор Васильевич Лисичкин тоже имел магазин в Москве, хотя и не такой большой, как Затенинский. Семья у Лисичкина была порядочная: старшей дочери, Лиде, минуло шестнадцать лет, младшая была еще грудная, и между ними пять мальчиков, которых и сдали на попечение Ольги Александровны, когда ее привезли в Преображенское.

Ольга Александровна была круглая сирота и жила раньше за пять верст от Преображенского, в селе Мотылях. Там ее дядя был священником.

Хотя Мотыли считались богатым приходом, и дядя с семьей вовсе не терпел недостатка, Ольга Александровна знала, что постоянно сидеть у дяди на шее ей нельзя, что ей уже восемнадцать лет и пора самой зарабатывать хлеб. Недаром же она кончила епархиальное училище.

Через Преображенского батюшку, о. Владимира, узнали в Мотылях, что Ольгу Александровну возьмут к Лисичкиным не то что простой нянькой, а «бонной» и даже дадут двенадцать рублей жалованья.

Через три дня судьба Ольги Александровны была устроена.

Дочери о. Никодима, двоюродные сестры Ольги Александровны, уверяли, что у нее несносный характер. У них дня не проходило без ссоры. И сама Ольга Александровна стала думать, что у нее несносный характер.

Теперь, сидя в беседке Преображенского парка, рядом с хныкающим Борей, Ольга Александровна задумалась о «своих», как она называла семью о. Никодима. Мальчики около беседки опять поссорились, кто-то ревел, но Ольга Александровна не унимала их.

Лучи солнца пронизывали частую листву и дрожащими пятнами ложились по земле. Ольга Александровна немного щурилась. На ней было черное шерстяное платье, перекрашенное когда-то из «бордо». Оно или село после краски, или она из него выросла, только рукава были не впору и закрывали ее руки чуть пониже локтя, талия сделалась коротка и в груди теснило.

Ольга Александровна была полная, здоровая девушка с круглым лицом. Гладко зачесанные волосы неопределенного, желтоватого цвета, серые глаза, немного выдававшийся рот – все это не казалось ни красивым ни привлекательным. Но

свежий румянец, белые зубы и какое-то особенно нежное выражение глаз порою – делали ее миловидной.

В беседку вошла няня Лисичкиных с младшей девочкой на руках.

Няня покровительствовала и сочувствовала Ольге Александровне. Раньше мальчики были на ее попечении и она испытала все, что теперь испытывала Ольга Александровна.

К доброму чувству няни примешивалось и чувство облегчения: она с внутренней радостью замечала, что мальчуганы по-прежнему растрепаны, измазаны, а что выговаривать за это будут не ей.

– Озорники эти мальчишки, – сказала она, усаживаясь на противоположной скамье.

В ответ на замечание няни Ольги Александровна разразилась целым потоком слов. Она говорила, что это невозможно, что это наказание божеское, а не дети. Она вообще любит детей, а это какие… то… ну просто совсем не дети.

– Вот я папаше все расскажу, – заявил плаксиво Володя. Он давно слушал, что говорится в беседке.

– Да что вы расскажете-то? – энергично возразила няня. – Пожалуй, рассказывайте сами про себя. Эх вы!

И она с презрением посмотрела на Володю.

– Вы еще, Ольга Александровна, всех порядков не знаете. Еще то ли будет! Здесь они целый день и в саду и в парке, а вот погодите в комнатах-то, в городе – покажут они себя! Вы тут долго не наживете, Ольга Александровна.

– Ах, что вы, няня, нет, не дай Бог! Опять к дяденьке обратно просто невозможно, а другое место где ж найти, да и характер у меня не хороший…

Они помолчали.

– Вот скоро в большой дом и гости будут, – сказала няня. – Сынок Затенинский приедет, Алексей Иванович. Вот уж барин! И красавец.

Она стала хвалить Алексея Ивановича. По ее словам, Алексею Ивановичу непременно следует жениться на старшей дочери Лисичкиных, Лиде. Пусть только она пансион кончит. Оба такие красивые, хорошая будет парочка. И сам Затенин не прочь. Довольно уж Алексею Ивановичу, отучился. Университет кончил. Пора и семьей обзаводиться и магазин на себя принять. Отец стар становится.

Долго бы еще няня посвящала Ольгу Александровну в семейные дела Затениных, но в это время среди детей раздался пронзительный крик – началась драка – и Ольга Александровна бросилась к ним.

II

Настасья Неофидовна Лисичкина, мать Володи, Миши, Сережи, Бори… была в больших хлопотах.

По случаю дня рождения старшей дочери Лиды – после обедни она ждала гостей на пирог. Придут Затенины отец и сын – сын только вчера приехал – батюшка с детьми, еще кое-кто… Пухлое, бесконечно доброе лицо Настасьи Не-офидовны так и лоснилось от жары и усталости.

– Ольга Александровна! Ольга Александровна! Что это, мать моя, вас не дозовешься? Давайте-ка, снесем этот стол на террасу. Двенадцатый час, а еще ничего не готово. К достойной, вы слышали, звонили?

– Звонили. Только, право, Настасья Неофидовна, с мальчиками сладу нет. Сейчас вот Миша Володе щепку в глаз воткнул, а тот поднял кирпич, да его кирпичом… Я просто из сил выбилась, Настасья Неофидовна…

– Ну, ничего, душа моя, бросьте их пока… Или дайте Мише хорошего подзатыльника и поскорее раздвинем стол. Рубашечки вы им велели выгладить? А Виктор сегодня спокойнее спал, чем прошлую ночь?

На широком балконе накрыли стол, самовар кипел, принесли свежее молоко и масло. Настасья Неофидовна велела подать и пирог.

Дети уже уселись около самовара. Ольга Александровна поила Борю, который болтал ногами и пускал пузыри в блюдечко.

Обедня кончилась.

Первая прибежала Лида, розовая и веселая, в новом платье. Лида была очень хорошенькая шестнадцатилетняя девочка, скорее, впрочем, похожая на куклу, чем на живого человека – такая она была беленькая, с крошечным ротиком и большими бледно-синими глазами. Свои пышные волосы льняного цвета она носила распущенными до плеч и низко подрезанными на лбу. Они падали свободно, закрывая розовые уши, и это придавало Лиде еще более детский вид.

Пришли Затенины и о. Владимир с двумя рослыми мальчиками-сыновьями. О. Владимир был еще молод и считался строгим. Он от природы обладал таким зычным голосом, что всякий раз, когда он говорил – казалось, что он бранится. Попадье своей он летом запрещал выходить из дому единственно по той причине, что она гнусила.

Это запрещение было следствием одного очень неудачного визита матушки к Настасье Неофидовне.

Боря, которого пугали крокодилом и который никогда не мог себе представить, как крокодил говорит, услыхал из соседней комнаты голос матушки и вдруг вообразил, что это и есть его страшилище: он подкатился под рояль, заткнул уши и заревел благим матом.

Борю долго не могли утешить, а о. Владимир решил, что попадье следует сидеть дома, дабы не беспокоить прихожан.

У самого батюшки было лицо полное и грозное, а волосы никогда не могли казаться причесанными, потому что вились слишком пышно.

Батюшка исправно кушал пирог и рассказывал Настасье Неофидовне и старику Затенину какой-то замечательный случай.

На другом конце стола в это время Лида кокетничала с сыном Затенина, Алексеем Ивановичем.

– Так вы любите гулять одни? Значит, я вас совсем не увижу. Вы забыли наше веселое лето в прошлом году! Впрочем, я тогда была еще совсем ребенок!

Алексей Иванович слушал, улыбаясь, и смотрел на хорошенькое личико.

Няня преувеличила, когда назвала Алексея Ивановича красавцем, но у него было такое лицо, на которое приятно смотреть.

Русые блестящие волосы, гладко зачесанные со лба, красиво вились сзади; ярко-рыжая бородка шла к белому цвету лица; глаза были темно-серые, с синеватым оттенком, какие часто бывают у детей. Высокий рост и стройная фигура делали его заметным.

Алексей Иванович улыбался, но в душе ему было прескучно.

Ему казалось, что Лида ни капельки не изменилась с тех пор, как они гуляли вместе прошлое лето. И тогда, в начале августа, им уже не о чем было говорить; неужели теперь все начинать снова?

Он знал, что отец хотел бы видеть его женатым на Лиде. Но ведь не теперь же, а после, потом, до этого еще долго…

Пока у него были совсем иные мысли и мечты, которые он собирался сегодня же высказать отцу.

Раздался пронзительный крик, блюдечко упало и разбилось. Виктор толкнул Ольгу Александровну под локоть, и она облила Борю горячим чаем.

Боря не столько обжегся, сколько обиделся. Ольга Александровна стояла растерянная, со слезами на глазах и даже не утешала Борю.

Мать взглянула на дело очень хладнокровно: выдрала за ухо Виктора, утерла Борю и велела няне собрать осколки блюдечка.

Боря скоро утешился на коленях Алексея Ивановича. Они с давних пор были друзьями. Алексей Иванович любил Борю за толстые, розовые щечки и за то, что он никогда не болел.

Худой ребенок, нервная женщина, израненная собака, больной старик – были одинаково ненавистны Алексею Ивановичу, потому что вызывали в нем неприятное чувство сострадания. Когда лошадь падала на улице – Алексей Иванович сердито смотрел в сторону, спешил уйти, хотя, впрочем, очень скоро забывал свое впечатление.

Он не любил жалеть.

– Большая забота с детьми, – произнес о. Владимир, когда все успокоилось.

– Особенно, если их так много, – сказала Настасья Неофидовна. – Я уж и не рада. Пожалуй, хоть бы и помер который-нибудь.

– Ну, неужели и Борю бы отдали! – смеясь возразил Алексей Иванович.

– И Борю бы ничего. Что ж, их ведь много. Боря, хочешь к дедушке? Там тебе, может, варенья дадут. Хочешь, Боря?

– Хочу…

Все смеялись. Батюшка заикнулся что-то о грехе, но Настасья Неофидовна немедленно возразила ему, что где же тут грех, когда и в евангелии сказано – дети будут в царствии Божием, а она им смерти не просит, только готова покориться воле Господней, ежели случится.

Ольга Александровна во все время завтрака не произнесла ни слова.

Она чувствовала, что Алексей Иванович на нее смотрит, и ей хотелось поскорей уйти.

Алексей Иванович спросил тихонько у Лиды в самом начале про Ольгу Александровну.

– Новая бонна, – небрежно ответила Лида.

Алексею Ивановичу понравилось, что Ольга Александровна молчит и смотрит вниз. Ему понравилось тоже, что у нее вовсе не угнетенный и жалкий вид, а спокойный и сосредоточенный.

Лида положительно надоела ему своей болтовней. Она так напоминала ему прошлое лето – (Алексей Иванович не любил прошлого) – и всех его знакомых московских дам. Они вечно говорили то же самое, что Лида.

В Ольге Александровне Затенин увидал что-то новое, какую-то ему до сих пор неизвестную серьезность.

III

Часто после июньских жаров в средней полосе России погода вдруг меняется, и наступают холодные дни, точно осенью.

Вечером была гроза, целую ночь шел дождь и с этого дождя началось ненастье.

Преображенский «большой дом» смотрел угрюмо.

Окна были заперты, ветер трепал мокрую, потемневшую парусину на балконе. Озеро под горою, за парком, стало бледное. По небу бежали большие дымчатые тучи, на покатых дорожках было скользко и сыро, непоблекшие листья, сорванные ветром, вяли в песке и над черными, далеко шумящими, соснами парка носились с криком стаи ворон. Они еще более напоминали осень.

В один из таких печальных дней Алексей Иванович вышел пройтись. Закутанный в теплое пальто, с мягкой, серой шляпой на голове, в калошах, он сам по себе казался таким же кислым и некрасивым, как все кругом.

Алексею Ивановичу было скучно.

Объяснение с отцом прошло совершенно неожиданно. К этому объяснению Алексей Иванович готовился, ждал его и даже говорил себе, что боится, хотя в сущности ничего не боялся, потому что никогда не представлял будущего в определенных формах, а так, в виде смутной картины отдаленнейших времен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gippius_zinaida/dva-serdca

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить